

УДК 811.161

ОБЪЕКТЫ СРАВНЕНИЯ В ПОЭЗИИ Н. С. ГУМИЛЕВА

Ольга Геннадьевна Твердохлеб

к. филол. н., доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка

Оренбургский государственный педагогический университет

460844, Оренбург, ул. Советская, 19. ogtwr@gmail.com

В статье предпринята попытка установить связь языковых особенностей поэтических текстов Н. С. Гумилева с основными идейными установками акмеистов, среди которых – требование внимания к вещным деталям и требование логичности. Приведены количественные данные об использовании компаративов с целью создания четкой логической синтаксической структуры в поэзии Гумилева. На большом иллюстративном материале показано, что в компаративных конструкциях, употребляемых поэтом, объект сравнения представлен формой родительного падежа имени разных лексикотематических групп, как то: названия неодушевленных реалий, предметов быта (одежды, мебели и посуды; веществ, материалов, пищи; частей тела человека; архитектурных сооружений); названия явлений природы (природных стихий и атмосферных явлений; времен года, частей суток; растений и животных) и названия отвлеченных реалий (действий, чувств, физических и физиологических ощущений). Особое внимание уделено названиям живых существ, которые в качестве объекта сравнения чаще представлены наиболее общими обозначениями (*человек, женщина, жена, дева*), что придает особую афористичность поэзии Н. Гумилева. Отмечено, что несвойственное его поэзии отображение интимного мира определило малую частотность употреблений и в позиции объекта, и в позиции субъекта сравнения личных местоимений. Показано, как при конвергенции сравнений с другими стилистическими приемами (синонимия и антонимия, гипербола, разные виды повторов, словообразовательные средства, нагнетание компаративов) создаются более яркие и выразительные образы. Автор статьи приходит к выводу, что реалистичность акмеизма выражается у поэта четкой передачей простой высокой мудрости, что в определенной степени конкретизирует описываемое событие.

Ключевые слова: акмеизм; компаратив; имя прилагательное; вещь; логичность.

doi 10.17072/2037-6681-2016-3-59-66

Трагическая эпоха потрясений от двух мировых войн накануне великой революции в начале XX в. стала Серебряным веком русской литературы. Из множества созданных в то время литературных направлений ярчайшим в истории остается акмеизм (от греч. *ἀχμῆ* – ‘высшая степень чего-либо, цветущая сила’), представителями которого были С. М. Городецкий, А. А. Ахматова, Н. С. Гумилев, О. Э. Мандельштам, М. А. Кузмин, М. А. Зенкевич.

Изучение поэзии акмеистов имеет со времени своего возникновения (см. сборник статей критиков-современников: [Акмеизм...]) большую историю и в литературоведении ([Жирмунский 1916, 1928], [Эйхенбаум 1969] и мн. др.), и в лингвистике ([Виноградов 1976] и др.).

Важное место в литературе акмеизма занимает поэзия его главы – Николая Степановича Гумилева (1886–1921). Лингвистика его поэтиче-

ского языка была предметом изучения в работах, посвященных проблеме ассоциативности [Карпенко 2000], контраста [Станиславская 2001], прагматики идиостиля [Котова 2000], религиозной лексики [Иванова 2008] и концептосферы [Беспалова 2002]; [Мухина 2000]. В работе [Красина, Сыпченко 1995] дается анализ сравнений в языке Н. С. Гумилева как средства эстетического воздействия. Однако до сих пор остается много невыясненных вопросов.

Объектом нашего рассмотрения является поэтический язык Н.С. Гумилева. Нас будет интересовать использование поэтом грамматических средств выражения, способствующих выполнению задач, заявленных акмеистами в их программных работах.

I. Программные постулаты акмеистов находим в манифестах Н. С. Гумилева «Наследие символизма и акмеизм» [Гумилев 1913],

С. М. Городецкого «Некоторые течения в современной русской поэзии» [Городецкий 1997] (опубликованы в № 1 журнала «Аполлон» за 1913) и О. Э. Мандельштама «Утро акмеизма» (1919) [Мандельштам 1993], которые включали ряд положений, среди которых подчеркивалась необходимость внимания к вещным деталям. Вещный, предметный мир как доминанта акмеизма требовал отточенности деталей, эстетизации мелочей, что, в свою очередь, предопределяло выверенную композицию, четкость стиха, логическую ясность.

Логическая ясность вызывала необходимость вовлечения в художественное пространство стихотворений определенных грамматических построений. Логико-лингвистическими построениями, свойственными русскому синтаксису, становятся у акмеистов разные сравнительные конструкции, особенно включающие грамматическую форму, способную самостоятельно выражать компаративную семантику, – степень сравнения имен прилагательных, наречий, слов категории состояния. Н.С. Гумилев не только обосновал эстетические принципы акмеизма, но и воплотил их в ткани своей поэзии.

Путем выборки из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [Национальный...] нами было обнаружено более 2,5 тыс. конструкций с компаративами от прилагательных, наречий и слов категории состояния, с разной степенью частотности используемых поэтами-акмеистами (анализ статистических данных см. в нашей предыдущей работе: [Твердохлеб 2016]). Из них в подборке по Н.С. Гумилеву НКРЯ показал 494 вхождения – 0,72% относительно 67 705 слов (242 документа из найденных 524 общим объемом 5 218 предложений). Логичность и «вещность» обусловили не только активное употребление компаративов, но и некоторые особенности употребления конструкций, включающих в свой состав компаративы.

В своем манифесте Н. С. Гумилев заявлял: «...Символизм закончил свой круг развития и теперь падает <...> На смену символизма идет новое направление, как бы оно ни называлось, – акмеизм ли (от слова *ἀκμή* – высшая степень чего-либо, цвет, цветущая пора), или адамизм (мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь), – во всяком случае, требующее большего равновесия сил и более точного знания отношений между субъектом и объектом» [Гумилев 1913].

В связи с этим возникает необходимость обозначения статического состояния «отношений между субъектом и объектом». Компаративные конструкции здесь оказываются весьма кстати, т. к. сравнение, обычно включающее в себя три элемента: *субъект сравнения* (то, что сравнива-

ется), *объект сравнения* (то, с чем сравнивается) и *основание (признак) сравнения* (общее у сравниваемых предметов), отражает реальность вне действия, т. е. статически.

Заявленный в эстетической программе «адамизм» предполагает равновеликость вещей. Гумилев провозглашает, что «как адамисты, мы немного лесные звери и во всяком случае не отдадим того, что в нас есть звериного, в обмен на неврастению», и поэтому «перед лицом небытия – все явления братья» [там же]. Постулируемое о бытие как бытие потребовало называния «явлений реального мира», «вещей», что в свою очередь определило «преобладание в акмеистических стихах имен существительных и незначительную роль глагола» [Совсун 1929–1939].

Так, среди обнаруженных нами сравнительных конструкций в поэтических текстах Н. С. Гумилева оказалось достаточно много случаев (более 200), где с компаративом сочетаются имена в родительном падеже. Далее мы подробнее опишем именно эту группу (около 50 единиц) сравнительных конструкций, выявленных в поэтическом языке Н. С. Гумилева.

II. По данным нашей картотеки объект сравнения, представленный формой родительного падежа имени в обнаруженных нами конструкциях, распределяется по самым разным лексикотематическим группам.

1. Среди этих групп отметим несколько, выделяющих запечатленное особенно точно, реалистично, зримо:

1) названия **неодушевленных** реалий, предметов быта, напр.: *Страшнее страшных пугал / Красивым честный путь...* (Почтовый чиновник)¹; *Лучше денег <...> / Жизнь веселая стрелка* (Альпийский стрелок); *И кажется тесная келья ему / Унылей, угрюмее гроба...* (Молодой францисканец); *Мне Суза с пальмами, в огне небес Нефуза / Не обольстительней даров Петросоюза...* («Чуковский, ты не прав, обрушась на поленья...»).

В том числе:

- наименования одежды, мебели и посуды, напр.: *Но взгляните: черней сапога / Господин президент и министры* (Либерия); *Вы взглянули... и стула бесстрастней / Встретил я Ваш приветливый взгляд...* (В вашей спальне); *И я знаю, что заповедней / Этих сфер, и крестов, и чаи, / Пробудившись в свой день последний, / Нам ты знанье свое отдашь* (Поэма начала);

- наименования веществ, материалов, пищи, напр.: *Нет воды вкуснее, чем в Романье...* (Болонья); *И взгляд его острее стали / Колол и ранил, как кинжал* («Рядами тянутся колонны...»); *Видя девушек смуглых и гибких, как лозы, / Чье дыханье пьяней бальзамических смол...* (Нигер);

...людская кровь не святее / Изумрудного сока трав (Детство); ...**пьяней вина**, / И, бархатные лепестки целуя, / Быть может, преступленья не свершу я? (Роза);

- названия **частей тела** человека, представленные читателю в качестве объекта сравнения, тоже как некий предмет, реальность действительности, напр.: «Просто золото **краше тела...**» (Перстень);

- названия **архитектурных** сооружений, напр.: *Кружев узорней аркады*, / Воды застыли стеклом (Венеция);

2) названия явлений **природы**, а именно:

- наименования природных стихий, напр.: *Толпа взволнованнее моря* (Ода д'Аннуцио); *Черепаша грузнее утеса...* (Либерия); *Старше вод <...>* / *Золоточешуйный дракон* (Поэма начала);

- наименования атмосферных явлений, напр.: *Грозней громов*; *внимая им*, / *Толпа...* (Ода д'Аннуцио); *Ты теперь <...>* / *Белоснежней его облаков*, («На горах розовеют снега...»); *...молнии победней*, / *Сверкнул и в тело впился нож* (Поединок); *...светлее солнца*, / *Золоточешуйный дракон* (Поэма начала); *Но мы молчали*, / *И он темнее тучи стал...* («Рядами тянутся колонны...»); *Чайки белей и невинней зарницы / Темной и страшной ее красоты* (Избиение женихов. Возвращение Одиссея);

- названия **времен** года, частей суток, напр.: *Ты теперь безмятежнее дня...* («На горах розовеют снега...»); *Улыбкой, утра розовей* (Медиумические явления);

- названия **растений**, напр.: *Пальм стройней и крепче платанов*, / <...> *Шел неведомый человек* (Поэма начала);

- названия **животных**, напр.: *Старый товарищ, древний ловчий*, / *Снова встаешь ты с ночного дна*, / *Тигра смелее, барса ловче*, / *Сильнее грузного слона* (Товарищ).

Находим здесь и характерные для Н. С. Гумилева описания экзотических зверей и природы (примеры выше), а также стран и городов: *В целой Африке нету грозней Сомали*, / *Безотраднее нет их земли* (Сомалийский полуостров).

Нет в этих поэтических текстах «ангелов, демонов, стихийных и прочих духов», которые хотя и «входят в состав материала художника и не должны больше земной тяжестью перевешивать другие взятые им образы» [Гумилев 1913].

Зримость достигается в том числе и за счет основания сравнения, в роли которого представлены компаративы от имен прилагательных со значением свойств и качеств, которые

а) непосредственно воспринимаются органами чувств и (или)

б) выражают оценку.

Именно такие признаки, проявляясь в разной степени в разных предметах, могут изменяться, что и иллюстрируют вышеприведенные отрывки из поэтических текстов Н. С. Гумилева.

В них везде чувствуется вещная, конкретная плоть мира: его четкие пространственные формы и контуры, внешний вид (*пальм стройней, узорней аркады, острее стали, краше тела*), цвет (*черней сапога, белоснежней облаков, светлее солнца, темнее тучи, белей зарницы, утра розовей*), вкус (*воды вкуснее, пьяней смол, пьяней вина*), вес (*грузнее утеса*), твердость (*крепче платанов*), возраст (*старше вод*).

В сочетании с оценочными компаративами объекты сравнения даются и с положительной коннотацией (*лучше денег, тигра смелее, барса ловче, сильнее слона, обольстительней даров, заповедней крестов, не святее сока, молнии победней, невинней зарницы, безмятежнее дня*), и с отрицательной (*страшнее пугал, взволнованнее моря, грозней громов, грозней Сомали, унылей гроба, угрюмее гроба, стула бесстрастней, безотраднее земли*).

При этом сочетание компаративов и «вещных» имен создает напряженный и звучный стих с внутренней связью между внешней средой и потаенно бурной жизнью лирического героя, особенно когда субъектом сравнения становится человек, люди (*пьяней вина я; он темнее тучи, товарищ тигра смелее, барса ловче, сильнее слона; ты безмятежнее дня; черней сапога президент и министры*) и их части (*кровь не святее сока*).

2. Названия **отвлечённых** реалий, действий, чувств, физических ощущений, состояний в позиции объекта сравнения в нашем материале не частотны и также приводятся при компаративах, называющих свойства и качества

- непосредственно воспринимаемые органами чувств (*белей, выше, слаще* и др.) и (либо)

- выражающие оценку (*милей, невинней, тревожней, горестней* и др.).

Ср. следующие примеры: *И, помню, я воскликнул: «Выше горя / И глубже смерти – жизнь!»* (Эзбеки); *Вспомни, нет муки огромней, / Нету тоски безотрадней* («Слушай веления мудрых...»); *Она для нас больной кошмар / Иль правда, горестней кошмара* («Когда ж вечерняя заря...»); *Но нет тревожней и заброшенной – / Печали посреди шелков...* (Счастье); *Чайки белей и невинней зарницы / Темной и страшной ее красоты* (Избиение женихов. Возвращение Одиссея); *Милей забав ребячьих – нет, / Нет глубже – так учил Конфуций* (Два сна); *Ведь отрадней пения птиц, / Благодатней ангель-*

ских *труб* / Нам дрожанье милых ресниц / И улыбка любимых губ (Канцона вторая); *Неуклонней разлива рек*, / <...> Шел неведомый человек (Поэма начала); *Если взоры девушки любимой – / Слаще взоров жителей высот...* («Перед ночью северной, короткой...»).

Таким способом поэт не только рисует простую высокую мудрость чистыми красками, но и в некоторой степени конкретизирует описываемое событие.

3. В компаративах с именами в форме родительного падежа, относящимися к тематической группе «человек», возникает характерная для Н. С. Гумилева четкая афористичная формула, отвечающая принципу прекрасной ясности.

Ср. следующие примеры: *Человеку грешно гордиться*, / *Человека ничтожна сила*: / *Над землю когда-то птица* / *Человека сильней царила* (Дамара); *Нигде, никогда не найти вам жены бесприютней*, / *Чьи жалкие стоны вам будут желанней и слаще* (Варвары); *Я не видел прекрасней жены*, / *Я не знал обольстительней девы* («Царь, упившийся кипрским вином...»); *Нет прекрасней женщины, чем в Болонье...* (Болонья); *Левин, Левин, ты суров*, / *Мы без дров*, / *Ты ж высчитываешь триста* / *Обесцененных рублей* / *С каталей* / *Виртуозней даже Листа* («Левин, Левин, ты суров...»).

Здесь реалистичность акмеизма у поэта выражается в четкой передаче душевных переживаний через обыденное, через бытовое, через конкретное. Чаще в качестве объекта сравнения становятся наиболее общие обозначения живых существ (*человек, женщина, жена, дева*), что и придает особую афористичность поэзии Николая Гумилева.

В позиции объекта сравнения представлены и местоимения – личные и определительные. Отображение замкнутого, узкого интимного мира не свойственно поэзии Н. Гумилева, поэтому употребления в позиции объекта сравнения личных местоимений, указывающих на лицо (лиц), достаточно редки. Личного местоимения 1-го лица (*я, мы*) для указания на некий близкий круг (*я-автор, я-лирический герой* и еще кто-либо) нами не выявлено.

Единичен пример с личным местоимением 2-го лица единственного числа *ты*: *Нет тебя тревожней и капризней*, / *Но тебе я предался давно* / *Оттого, что много, много жизней* / *Ты умеешь волей слить в одно* («Нет тебя тревожней и капризней...»).

При помощи слова *всех* обычно образуется сложная превосходная степень: *Но всех милей и грациозней* / *Все ж Оля в робости своей* (Медиумические явления); *Встречая дьявольские козни* / *Ватаге буйной и воинственной* / *Так много*

сложено историй, / *Но всех страшней и всех таинственней* / *Для смелых пенителей моря...* («Но в мире есть иные области...»).

4. В отрицательных оборотах сравнительная степень может приобретать значение превосходной: *Нет воды вкуснее, чем в Романье...* (Болонья); *В целой Африке нету грозней Сомали*, / *Безотраднее нет их земли* (Сомалийский полуостров); *Вспомни, нет муки огромней*, / *Нету тоски безотрадней* («Слушай веления мудрых...»); *Но нет тревожней и заброшенной – / Печали посреди шелков...* (Счастье); *Милей забав ребячьих – нет*, / *Нет глубже – так учил Конфуций* (Два сна); *Нет прекрасней женщины, чем в Болонье...* (Болонья).

III. Отсутствие открыто выраженных личных переживаний, характерное для акмеистической поэзии Н. Гумилева, видимо, предопределяет отсутствие в нашем материале компаративов, где субъект сравнения представлен на поверхностном уровне личным местоимением 1-го и 2-го лица единственного числа. В отличие, напр., от компаративных конструкций в акмеистическом языке А. А. Ахматовой, где такие местоимения частотны: *Как была я ему запретней* / *Всех семи смертельных грехов* (А. А. Ахматова. Решка. Поэма без героя); *Я всех на земле виноватей*, / *Кто был и кто будет, кто есть* (А. А. Ахматова. «Кому и когда говорила...»), *А ты, конечно, всех проворней...* (А. А. Ахматова. Последнее письмо).

IV. Наш материал свидетельствует, что сравнения часто сочетаются с другими стилистическими приемами, создающими еще более яркие и выразительные образы. Опишем конвергенцию стилистических приемов.

1. Используются традиционные для художественных построений лексические связи между компаративами в роли основания сравнения, напр., синонимические и антонимические (в том числе контекстуальные): *И кажется тесная келья ему* / *Унылей, угрюмее гроба...* (Молодой францисканец); *Что горше, что тягостней лужа болезни?* (Видение); *Ведь отрадней пеня птица*, / *Благодатней ангельских труб* / *Нам дрожанье милых ресниц* / *И улыбка любимых губ* (Канцона вторая); *И, полню, я воскликнул: «Выше гора* / *И глубже смерти – жизнь!* (Эзбеки).

2. Встречаем конвергенцию с гиперболой: *Черепаша грузнее утеса...* (Либерия); *Над землю когда-то птица* / *Человека сильней царила* (Дамара).

3. Яркие, выразительные, образы создает поэт при помощи сочетания сравнения с разными типами повторов. В частности, нами обнаружены:

а) повтор основания сравнения, напр.: *Лучше денег, лучше власти* / *Жизнь веселая стрелка* (Альпийский стрелок);

б) повтор субъекта и объекта сравнения: *Если взоры девушки любимой – / Слаще взоров жителей высот...* («Перед ночью северной, короткой...»);

в) повтор разных форм одного и того же слова: *Страшнее страшных пугал / Красивым честный путь* (Почтовый чиновник);

г) повтор однородных слов: *Старый товарищ, древний ловчий, / <...> барса ловче* (Товарищ);

д) повтор слов *всех* и *всего*, напр.: *Ватаге буйной и воинственной / Так много сложено историй, / Но всех страшней и всех таинственней / Для смелых пенителей моря* – («Но в мире есть иные области...»); *Мне отраднее всего / Видеть взор твой светлый, / Мне приятнее всего / Говорить с тобою* (Предупреждение).

Такие повторы, являясь средством усиления, выделения внимания читателя, создают особую функциональную значимость, как бы уравнивают, уравнивают разные части сравнения (субъект и объект сравнения, основание сравнения и объект) либо подчеркивают их равнозначность друг другу. При этом и стих, и эмоции становятся лаконичными. На что указывал Б. М. Эйхенбаум: «Лаконизм стал принципом построения. Лирика утратила как будто свою природную многословность. Все сжалось – размер стихотворений, размер фраз. Сократился даже самый объем эмоций или поводов для лирического повествования» [Эйхенбаум 1969: 89].

4. Выражение компаративной семантики может быть усилено средствами словообразовательного уровня, а именно префиксацией:

- при помощи приставки *пре-* (единичные примеры с лексемой *прекрасный*), обозначающей «высшую степень качества, названного мотивирующим словом» [Русская грамматика 1980. I, § 706], ср.: *Я не видел прекрасней жены...* («Царь, упившийся кипрским вином...»); *Нет прекрасней женищи, чем в Болонье...* (Болонья);

- при помощи приставки *без-* (чаще) и *не-* (реже) в компаративах, что создает еще одно основание для сравнения – по отсутствию признака. Такое активное употребление описанных образований объясняется семантикой этих прилагательных, характеризующихся «отсутствием того, что названо мотивирующим словом» [Русская грамматика 1980. I, § 686], и в этом описании «отсутствия» появляется конкретизация мира. Во всех примерах указанные словообразовательные типы слов представлены только в качестве основания сравнения, ср.: *Нигде, никогда не найти вам жены бесприютней, / Чьи жалкие стоны вам будут желанней и слаще* (Варвары); *Ты теперь безмятежнее дня...* («На горах розо-

веют снега...»); *Нету тоски безотрадней* («Слушай веления мудрых...»); *Безотраднее нет их земли* (Сомалийский полуостров); *Неуклонней разлива рек, / <...> Шел неведомый человек* (Поэма начала).

5. Повышает силу функционального воздействия на читателя и вносит в описание высокую степень экспрессии нагнетание компаративов, при этом появляется четкая афористическая формула, отвечающая в определенной степени принципу прекрасной ясности.

1) Может причудливо переплетаться прозаически-бытовое (*слаще, взоры, сад, зелень, вода*) и экзотически-далекое (*Иерусалим*), что создает многомерность и символичность, ср.: *Если взоры девушки любимой – / Слаще взоров жителей высот, / Краше горного Иерусалима – / Летний сад и зелень сонных вод...* («Перед ночью северной, короткой...»).

2) При использовании же общеупотребительных сравнений возникает особая афористичность: *Но мы молчали, / И он темнее тучи стал, / И взгляд его острее стали / Колот и ранил, как кинжал* («Рядами тянутся колонны...»).

3) Психологическую глубину, чеканность и точность сравнению придает предельная контактность объекта и основания сравнения, являющаяся характерной особенностью большинства примеров с нагнетанием, ср. конструкции:

- с постпозицией объекта (обычно) по отношению к основанию сравнения, ср.: *Печальней смерти* (постпозиция) и *пьяней вина* (постпозиция), / *И, бархатные лепестки целуя, / Быть может, преступленья не свершу я?* (Роза);

- с препозицией объекта: *Улыбкой, утра* (препозиция) *розовей* (Медиумические явления); *...молнии* (препозиция) *победней, / Сверкнул и в тело впился нож* (Поединок). Часто в отрицательных конструкциях, ср.: *Вспомни, нет муки* (препозиция) *огромней, / Нету тоски* (препозиция) *безотрадней* («Слушай веления мудрых...»); *Нигде, никогда не найти вам жены* (препозиция) *бесприютней, / Чьи жалкие стоны вам будут желанней и слаще* (Варвары).

Очень редко встречаем сочетание контактного и дистантного расположения в нескольких компаративных конструкциях:

- с постпозицией объекта, ср.: *В целой Африке нету грозней Сомали* (постпозиция), / *Безотраднее нет их земли* (постпозиция) (Сомалийский полуостров); а также

- с пост- и препозицией объекта, ср.: *Старый товарищ, древний ловчий, / Снова встаешь ты с ночного дна, / Тигра* (препозиция) *смелее, барса* (репозиция) *ловче, / Сильнее грузного слона* (постпозиция) (Товарищ); *Пальм* (препо-

зия) *стройней и крепче платанов* (постпозиция), / *Неуклонней разлива* (постпозиция) *рек, / В одежных серебротканых / Шел неведомый человек* (Поэма начала).

Однако скопление таких сравнений не создает пышности либо вычурности, а только подчеркивает пестроту и яркость реального мира.

Таким образом, проведенное нами исследование показало наличие связи между языковыми особенностями поэтических текстов Н. С. Гумилева и его идейными установками, среди которых – требование внимания к вещным деталям и требование логичности. А потому в компаративных конструкциях, употребляемых поэтом, объект сравнения представлен формой родительного падежа имени разных лексико-тематических групп: названия неодушевленных реалий, предметов быта (одежды, мебели и посуды; веществ, материалов, пищи; частей человека; архитектурных сооружений); названия явлений природы (природных стихий и атмосферных явлений; времен года, частей суток; растений и животных); названия отвлечённых реалий (действий, чувств, физических и физиологических ощущений). Живые существа в качестве объекта сравнения чаще представлены наиболее общими обозначениями (*человек, женщина, жена, дева*), что придает особую афористичность поэзии Николая Гумилева. При конвергенции сравнений с другими стилистическими приёмами создаются более яркие и выразительные образы. Реалистичность акмеизма выражается четкой передачей простой высокой мудрости, что до некоторой степени конкретизирует описываемое событие.

Примечание

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.11.2015). Здесь и далее все примеры даются по НКРЯ.

Список литературы

Акмеизм в критике. 1913–1917 / сост. О. А. Лекманова и А. А. Чабана; вступ. ст., примеч. О. А. Лекманова. СПб.: Изд-во Тимофея Маркова, 2014. 544 с.

Беспалова О. Е. Концептосфера поэзии Н. С. Гумилева в ее лексическом представлении: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 220 с.

Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы / АН СССР. Отделение литературы и языка; отв. ред. М. П. Алексеев, А. П. Чудаков. М.: Наука, 1976. 511 с.

Городецкий С. Некоторые течения в современной русской поэзии // Антология акмеизма: Стихи. Манифесты. Статьи. Заметки. Мемуары /

вступ. ст., сост. и примеч. Т. А. Бек. М.: Моск. рабочий, 1997. С. 202–207.

Гумилев Н. Наследие символизма и акмеизм // Аполлон. 1913. № 1. С. 42–45. URL: <http://www.gumilev.ru/clauses/2/> (дата обращения: 05.06.2016).

Жирмунский В. М. К вопросу о синтаксисе А. Ахматовой // Жирмунский В. М. Вопросы теории литературы. Статьи 1916–1926. Л.: Academia, 1928. С. 332–336. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/zhirmunskij-k-voprosu-o-sintaksise-ahmatovoj.htm> (дата обращения: 05.06.2016).

Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм // Русская мысль. М., 1916. № 12. С. 25–56. URL: http://postsymbolism.ru/joomla/index.php?option=com_content&task=view&id=20&Itemid=39 (дата обращения: 05.06.2016).

Иванова Н. М. Религиозная лексика в лирике Н. С. Гумилева: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. 19 с.

Карпенко С. М. Анализ межтекстовых ассоциативно-смысловых полей в аспекте идиостиля (на материале поэзии Н. С. Гумилева) // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте. Томск, 2000. С. 23–34.

Котова А. Г. Прагматические аспекты идиостиля Н. С. Гумилева (на материале поэтических произведений): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 24 с.

Красина М. Л., Сыпченко С. В. Сравнение как средство эстетического воздействия в поэзии Н. Гумилёва // Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилевой организации. Томск: Изд-во ТГПУ, 1995. С. 93–104.

Мандельштам О. Э. Утро акмеизма // Собрание сочинений: в 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 1. URL: http://rvb.ru/mandelstam/01text/vol_1/03prose/1_250.htm (дата обращения: 05.06.2016).

Мухина Н. М. Репрезентация идеи красоты в поэзии Н. Гумилева и А. Ахматовой: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 214 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.11.2015).

Русская грамматика: в 2 т. / редкол. Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1980. Т. I. 784 с.

Совсун В. Акмеизм, или Адамизм // Литературная энциклопедия: в 11 т. М., 1929–1939. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le1/le1-0702.htm> (дата обращения: 05.06.2016).

Станиславская С. А. Контраст как принцип организации поэтического текста (на материале ранней поэзии А. Ахматовой и Н. Гумилева): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001. 20 с.

Твердохлеб О. Г. Простые формы сравнительной степени прилагательных, наречий и слов категории состояния в поэзии акмеистов (статисти-

ческие данные) // Научная интеграция: сб. науч. трудов. М.: Изд-во «Перо», 2016. С. 1170–1172. URL: [http://olimpiks.ru/d/797165/d/nauchnayainte-gratsiya\(2\).pdf](http://olimpiks.ru/d/797165/d/nauchnayainte-gratsiya(2).pdf) (дата обращения: 05.06.2016).

Эйхенбаум Б. М. Анна Ахматова. Опыт анализа // Эйхенбаум Б. О поэзии. Л.: Сов. писатель, 1969. С. 75–147.

References

Akmeizm v kritike. 1913–1917 [Acmeism in criticism. 1913–1917]. Comp. by O. A. Lekmanov and A. A. Chaban; introd.art., comments by O. A. Lekmanov. St. Petersburg, Timofeya Markova Publ., 2014. 544 p.

Bespalova O. E. *Kontseptosfera poezii N. S. Gumileva v yeyo leksicheskom predstavlenii*. Diss. kand. fil. nauk [Conceptosphere of N. Gumilev's poetry in its lexical representation. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2002. 220 p.

Vinogradov V. V. *Izbrannyye trudy. Poetika russkoj literatury* [Selected works: Poetics of Russian literature]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 511 p.

Gorodetskiy S. *Nekotorye techeniya v sovremennoy russkoy poezii* [Some trends in contemporary Russian poetry]. *Antologiya akmeizma: Stikhi. Manifesty. Stat'i. Zametki. Memuary* [Anthology of Acmeism: Poems. Manifestos. Articles. Notes. Memoirs]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1997. P. 202–207.

Gumilyov N. *Nasledie simvolizma i akmeizm* [The heritage of symbolism and Acmeism]. *Apollon* [Apollo]. 1913. Iss. 1. P. 42–45. Available at: <http://www.gumilev.ru/clauses/2/> (accessed 05.06.2016).

Zhirmunskij V. M. *Preodolevshie simvolizm* [Those who overcame symbolism]. *Russkaya mysl'* [Russian thought]. M. 1916. Iss. 12. P. 25–56. Available at: http://postsymbolism.ru/joomla/index.php?option=com_content&task=view&id=20&Itemid=39 (accessed 05.06.2016).

Zhirmunskij V. M. *K voprosu o sintaksise A. Akhmatovoj* [On the question of Anna Akhmatova's syntax]. Zhirmunskij V.M. *Voprosy teorii literatury. Stat'i 1916–1926* [Problems in theory of literature. Articles 1916–1926]. Leningrad, Academia Publ., 1928. P. 332–336. Available at: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/zhirmunskij-k-voprosu-o-sintaksise-ahmatovoj.htm> (accessed 05.06.2016).

Ivanova N. M. *Religioznaya leksika v lirike N. S. Gumileva*. Avtoref. diss. kand. fil. nauk [Religious vocabulary in lyrics of N. S. Gumilev. Synopsis of Dr. philol. sci. diss.]. Tver, 2008. 19 p.

Karpenko S. M. *Analiz mezhtekstovykh asotsiativno-smyslovykh polej v aspekte idiostilya (na materiale poezii N. S. Gumileva)* [Analysis of intertextual associative-semantic fields in terms of idio-

style (a case study of N. S. Gumilev's poetry)]. *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty slova v hudozhestvennom tekste* [Communicative-pragmatic aspects of words in literary text]. Tomsk, 2000. P. 23–34.

Kotova A. G. *Pragmaticheskie aspekty idiostilya N. S. Gumileva (na materiale poeticheskikh proizvedenij)*. Avtoref. diss. kand. fil. nauk [Pragmatic aspects of N. S. Gumilev's idiostyle (a case study of poetic works). Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd, 2000. 24 p.

Krasina M. L., Sypchenko S. V. *Sravnienie kak sredstvo esteticheskogo vozdejstviya v poezii N. Gumilyova* [Comparison as a means of aesthetic effect in poetry of N. Gumilev]. *Kommunikativnye aspekty slova v tekstakh raznoj zhanrovo-stilevoj organizatsii* [Communicative aspects of words in texts of different genres and styles]. Tomsk State Pedagogical University Publ., 1995. P. 93–104.

Mandelstam O. E. *Utro akmeizma* [The Morning of Acmeism]. *Sobranie sochinenij v 4 t.* [Collected works in 4 vols.]. Moscow, Art-Biznes-Tsentr Publ., 1993. Vol. 1. Available at: http://rvb.ru/mandelstam/01text/vol_1/03prose/1_250.htm (accessed 05.06.2016).

Mukhina N. M. *Reprezentatsiya idei krasoty v poezii N. Gumileva i A. Akhmatovoj*. Diss. kand. fil. nauk [Representation of the ideas of beauty in poetry of N. Gumilev and A. Akhmatova. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2000. 214 p.

Natsional'nyj korpus russkogo yazyka. [Russian national corpus]. Available at: <http://search.ruscorpora.ru/> (accessed 25.11.2015).

Russkaya grammatika. V 2 t. [Russian grammar. In 2 vols.]. Ed. by N. Yu. Shvedova et al. Moscow, Nauka Publ., 1980. Vol. 1. 784 p.

Sovsun V. *Akmeizm, ili Adamizm* [Acmeism, or Adamism]. *Literaturnaya entsiklopediya*. V 11 t. [Literary encyclopedia. In 11 vols.]. M., 1929–1939. Available at: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclopl/le1/le1-0702.htm> (accessed 05.06.2016).

Stanislavskaya S. A. *Kontrast kak printsip organizatsii poeticheskogo teksta (na materiale rannej poezii A. Akhmatovoj i N. Gumileva)*. Avtoref. diss. kand. fil. nauk [Contrast as a principle of organizing poetic text (a case study of the early poetry of A. Akhmatova and N. Gumilyov). Cand. philol. sci. diss.]. Saratov, 2001. 20 p.

Tverdokhlebov O.G. *Prostye formy sravnitel'noj stepeni prilagatel'nykh, narechij i slov kategorii sostoyaniya v poezii akmeistov (statisticheskie dannye)* [Simple comparative forms of adjectives, adverbs and words belonging to the category of state in poetry of acmeists (statistical data)]. *Nauchnaya integratsiya. Sbornik nauchnykh trudov* [Scientific inte-

gration. Collection of scientific works]. Moscow, “Pero” Publ., 2016. P. 1170–1172. Available at: [http://olimpiks.ru/d/797165/d/nauchnayaintegratsiya\(2\).pdf](http://olimpiks.ru/d/797165/d/nauchnayaintegratsiya(2).pdf) (accessed 05.06.2016).

Eichenbaum B.M. Anna Akhmatova. Opyt analiza [Anna Akhmatova. Experience of analysis]. Eichenbaum B. *O poezii* [On poetry]. Leningrad, Sovetskiy pisatel’ Publ., 1969. P. 75–147.

OBJECTS OF COMPARISON IN NIKOLAY GUMILEV’S POETRY

Olga G. Tverdokhleб

**Associate Professor in the Department of Linguistics
and Methods of Teaching Russian Language
Orenburg State Pedagogical University**

The article attempts to establish the relationship between the linguistic features of poetic texts by N. S. Gumilev and the basic ideological principles of acmeists, including the requirement of attention to material details and the requirement of consistency. Quantitative data on the use of comparatives in Gumilev’s poetry with the aim of creating a clear and logical syntactical structure are provided. Based on a large bulk of examples, it is shown that in comparative structures used by the poet the object of comparison is presented by the form of the genitive case of nouns belonging to different lexical-thematic groups. Among these there are names of inanimate realia, household items (clothes, furniture and utensils; substances, materials and food; human body parts; architectural structures); names of natural phenomena (natural disasters and atmospheric phenomena; seasons, parts of the day; plants and animals) and names of abstract realia (actions, feelings, physical and physiological sensations). Special attention is paid to the names of living creatures as comparison objects, those mainly presented by general designations (a man, a woman, a wife, a virgin), which adds aphoristic nature to Gumilev’s poetry. It is noted that personal pronouns are only occasionally used both as objects and subjects of comparison, which is caused by the fact that representation of the intimate world is not typical of the poet’s works. It is described how more vivid and expressive images are created when comparison is converged with other stylistic devices (synonymy and antonymy, hyperbole, repetition, word-formation means, injection of comparatives). The author comes to the conclusion that in the case of Gumilev literalism of Acmeism manifests itself through clear communication of plain high wisdom, which to some extent specifies the event being described.

Key words: Acmeism; comparative; adjective; materiality; consistency.